

М.Д. БРЫЗГАЛОВА

*(Уральский Федеральный Университет им. Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3(Ерофеев В)

ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА 1960-Х ГОДОВ

Аннотация. Архивы, разобранные после смерти Венедикта Ерофеева, красноречиво свидетельствуют о том, что ведение записных книжек играло значительную роль в его жизни. Выражение повседневной действительности в различных жанрах с четко прослеживаемым ритмом и индивидуальным авторским стилем сообщает записным книжкам художественную целостность. Одной из наиболее значимых стилистических особенностей творчества Венедикта Ерофеева является языковая игра. Следуя классификации Т.А. Гридиной, можно выделить три основных приема языковой игры Венедикта Ерофеева – ассоциативную провокацию, имитацию и ассоциативное наложение (или же пародию). Использование языковой игры (как и любого другого игрового приема) указывает на целостность эго-текста.

Ключевые слова: Венедикт Ерофеев, записные книжки, художественная целостность, эго-текст, языковая игра, ассоциативная провокация, имитация, ассоциативное наложение.

XX век являет собой совершенно особое время и пространство. Одной из ведущих тенденций литературы этого времени является, по мнению Н.Л. Лейдермана, «диалог с Хаосом», причем хаос в неклассических художественных системах становится «онтологическим качеством Вселенной и человеческого существования» [Лейдерман 2010: 616], что непосредственно сказалось на жанровой стратегии и тактике «переходной эпохи». Самая характерная тенденция литературного процесса в данный период – это поиски синтеза, попытки объединить совершенно разные жанры, направления, идеи и получить нечто новое, обладающее при этом художественной целостностью. Записные книжки Венедикта Ерофеева как нельзя лучше отвечают тенденциям «жанрового нигилизма» XX века. Принцип фрагментарности и осколочности позволяет включить в жанр

практически все, начиная от цитат других авторов и заканчивая списками денежных долгов. Но, несмотря на кажущийся внешний хаос и отсутствие (на первый взгляд) какого бы то ни было единства, записные книжки Ерофеева, думается, представляют собой законченное литературное произведение с единым художественным пространством, единым героем и единой темой.

Разобранные после смерти писателя архивы красноречиво свидетельствуют о том, что ведение записных книжек играло значительную роль в его жизни. Ерофеев вел их очень скрупулезно, не пропуская практически ни одного дня, на протяжении 35 лет – с 1955 года и вплоть до самой смерти.

Записным книжкам Венедикта Ерофеева посвящено лишь несколько исследований, в том числе работы, в которых методология изучения записных книжек сопряжена с феноменом незавершенного. Согласно концепции современных исследователей, записные книжки любого писателя можно рассматривать с трех точек зрения. Прежде всего, они могут служить рабочим вариантом будущих произведений. В этом случае писатель фиксирует что-либо важное в черновом варианте, а затем переносит получившиеся наброски в основную часть творчества. Также на материале записных книжек можно проследить, как пространство черновиков трансформируется в художественное пространство, существенные ли изменения при этом претерпевает, какой обретает контекст. Последняя же точка зрения заключается в том, чтобы рассматривать записные книжки как целостный авторский текст [Снигирева, Подчиненов 2008: 152].

Важны для понимания процессуальности создания записных книжек Венедикта Ерофеева комментарии А.Яблокова, занимавшегося редакционной подготовкой записных книжек Венедикта Ерофеева 1960-х годов к изданию. Помимо общих сведений о стиле и характере ведения Ерофеевым записных книжек, исследователь составляет подробный комментарий к изданию, где объясняет реалии повседневной жизни Ерофеева.

В записных книжках, как и в любом другом художественном тексте, соединяются личность писателя и действительность, его окружающая. Выражение этой действительности в различных жанрах – афоризмах, размышлениях, черновых набросках к произведениям, мини-рассказах и так далее, – с четко прослеживающимся ритмом и индивидуальным авторским стилем, сообщает записным книжкам художественную целостность.

Одной из наиболее значимых стилистических особенностей творчества Венедикта Ерофеева является языковая игра. Она же, как и любой игровой прием, указывает на целостность эго-текста.

В монографии «Языковая игра: стереотип и творчество» Т.А. Гридина утверждает, что языковая игра является формой деканонизированного поведения говорящих. При этом данная форма реализует прагматические задачи коммуникативного акта с «категориальной установкой на творчество» (на творческое использование языковых ресурсов или на создание новой речевой комбинации языковых средств) [Гридина 1996: 7].

Игровую ситуацию создает освещение слова в его непривычном для повседневной речи ассоциативном контексте. Процесс узнавания слова и понимания смысла его видоизменения, как правило, носит в себе элемент комического.

Следуя классификации Т.А. Гридиной, выделим три основных приема языковой игры Венедикта Ерофеева – это ассоциативная провокация, имитация и ассоциативное наложение (или же пародия). Ассоциативная провокация заключается в неожиданном преобразовании устойчивой номинации или парадоксальной подмене лексического состава фразеологизма/устойчивого выражения [Гридина 1996: 29]. Так, в записной книжке за 1967 год читаем: «литературное движение во Владимире «Боря и натиск» [Ерофеев 2005: 507]. Ерофеев обыгрывает название литературного движения в Германии «Буря и натиск», иронизируя, очевидно, над кружком «владимирских» и своим другом Борисом Сорокиным. Или, в записной книжке за 1965 год писатель приводит оксюморонный вариант устойчивого выражения: «падок на воздержание» [Ерофеев 2005: 314].

Имитация как прием языковой игры является моделью ассоциативного контекста, в котором намеренно допущена речевая ошибка [Гридина 1996: 24]. Подобный прием используется Ерофеевым достаточно часто; им создаются слова «импотешный» [Ерофеев 2005: 504], «иудостоверение» [Ерофеев 2005: 504], «кредоспособность» [Ерофеев 2005: 208] и прочие. Примечательно, что все слова, Ерофеевым придуманные, употребляются им вне контекста – заносятся в записную книжку «для памяти» и представляют собой отдельно стоящие записи.

Ассоциативное наложение (или пародия) представляет собой тип ассоциативного контекста, в котором одна ассоциация выступает на фоне другой и создает неоднозначность восприятия слова в высказывании [Гридина 1996: 20]. Так, в записной книжке за 1967 год:

«Гармонистов нет. Их перебили или проводили в институт (I)» [Ерофеев 2005: 516]. Ерофеев обыгрывает строки из песни «Провожают гармониста»: «На деревне расставание поют / провожают гармониста в институт». В начале записной книжки за этот же год: «Не говори с тоской: на что? / Но с благодарностию: пили» [Ерофеев 2005: 493]. Запись является пародийным перифразом строк из стихотворения Жуковского «Воспоминание»: «Не говори с тоской: их нет; / Но с благодарностию: были» [Жуковский 1982: 119].

Таким образом, языковая игра в записных книжках Венедикта Ерофеева за 1960-е годы является одним из механизмов восприятия текста читателем как целостного и сообщает ему особенную стилистику. Целостность текста записных книжек достигается через стилевое единство высказываний, выражающееся за счет парадокса, языковой игры и различных видов проявления иронического модуса повествования, а также единой авторской интонации. Все стилистические приемы, используемые Венедиктом Ерофеевым, становятся для него способом увидеть привычное в ином ракурсе, обыграть традиционные ценности – любовь, смерть, красоту, культуру – по-новому.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество : монография / Урал.гос.пед.ун-т. Екатеринбург, 1996. – 214 с.

Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. Первая публикация полного текста. – Москва : Захаров, 2005. – 672 с.

Жуковский В.А. Стихотворения. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 269 с.

Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.

Снигирева Т.А., Подчинов А.В. Век девятнадцатый и век двадцатый русской литературы: реальности диалога / Т.А. Снигирева, А.В. Подчинов. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2008. – 200 с.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.А. Снигиревой